

340.141

ш 97, КР

Р133043

—

Право семейной и личной собственности среди крестьянъ Кадниковскаго уѣзда.

(МАТЕРІАЛЫ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ).

133043

Въ мою задачу не входитъ изслѣдованіе обычнаго права во всей полнотѣ хотя бы по отношенію только къ Вологодской губерніи, какъ того заслуживаетъ это важное дѣло; задача моей статьи гораздо скромнѣе: дать для такого изслѣдованія лишь нѣкоторый матеріаль, да и то по отношенію одного Кадниковскаго уѣзда, какъ мѣста моей родины и потому наиболѣе извѣстнаго для меня, и притомъ двухъ видовъ собственности: семейной и личной. Думаю, что и такія краткія замѣтки, какъ моя статья, не будутъ бесполезны.

Начну о правѣ семейной собственности и перейду затѣмъ къ личной, индивидуальной какъ мужчинъ, женщинъ, такъ и дѣтей.

Подъ именемъ семейной собственности я подразумѣваю все то имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, которымъ владѣетъ или пользуется вся данная семья, а не единичные ея члены; досталось ли это имущество семьѣ по наслѣдству (родовая собственность), или было приобрѣтено самою, — безразлично. Подъ именемъ личной, индивидуальной собственности я понимаю все то, что лично принадлежитъ тому или другому члену семьи: Ивану, Петру, Марьѣ, Дарьѣ и т. п., каковымъ имуществомъ только эти члены семьи и могутъ пользоваться, согласно обычаю.

Не могу ~~не~~ умолчать о томъ, что народная жизнь весьма сложная штука. И интересы семьи, и личные Ивана или Петра такъ часто между собою переплетаются, что иногда трудно отличить, гдѣ кончается одно право собственности и начинается другое. По опредѣленію извѣстнаго этнографа Н. Харузина ¹⁾

¹⁾ „Этнографія“, т. III, стр. 56.

„индивидуальной собственностью считается только то, что зарабатываетъ человекъ своимъ трудомъ“, но тутъ же поясняется: „однако, не все то, что онъ приобретаетъ этимъ путемъ, признается его личной собственностью. Напротивъ того, большая часть энергіи и рабочей силы члена семьи тратится на трудъ, плоды котораго идутъ на семью“.

Надо сказать, что не малую роль играетъ въ семейныхъ отношеніяхъ степень зажиточности: чѣмъ богатѣе семья, тѣмъ больше имущества находится въ личной собственности отдѣльныхъ членовъ семьи, а чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ меньше. Въ бѣдной семьѣ и самые дорогіе для отдѣльнаго члена предметы идутъ нерѣдко въ продажу для общесемейнаго дѣла: на покупку лошади, на пополненіе недомоковъ, на перестройку „избы“ и т. п. Да и самые обычаи по уѣзду весьма разнообразны. Здѣсь какъ нельзя болѣе оправдывается поговорка: „что городъ, то норовъ, что деревня, то и обычай“.

Дѣйствительно, одно и то же имущество въ одной волости составляетъ семейную собственность, а въ другой — личную. Напр. взять хотя ленъ. Въ Рубежской и Бѣльтяевской волостяхъ нашего уѣзда, гдѣ льноводство является главнымъ послѣ земледѣлія промысломъ, дающимъ средства къ жизни, ленъ составляетъ семейную собственность, такъ какъ всѣ излишніе отъ потребности семьи продукты этого промысла, какъ-то: ленъ, куделя, отрепи, сѣмена продаются, и вырученные деньги идутъ на семейные расходы. Въ другихъ же волостяхъ, какъ напр., Митюковской и Нижнеслободской, гдѣ промыселъ этотъ является лишь побочнымъ при хозяйствѣ дѣломъ, удовлетворяющимъ главнымъ образомъ лишь потребностямъ своей семьи, если и бываетъ излишекъ льна, кудели и проч., то онъ составляетъ личную собственность женщинъ и вырученные деньги идутъ на ихъ наряды. Однако, справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ и труды по льноводству исполняются большею частью женщинами: мужчина лишь вспашетъ полосу или вырубитъ подежку, да высушить на овинѣ ленъ, а все остальное уже дѣло рукъ самихъ женщинъ.

Самой крупной изъ семейной собственности являются всѣ тѣ участки земли, которые находятся во владѣніи или пользованіи семьи и обработкою которыхъ, такъ или иначе, заняты всѣ члены ея; работою здѣсь распоряжается „большакъ“ или „большуха“. Но въ предшествовавшихъ статьяхъ своихъ („На мірскомъ передѣлѣ земли“, „Общинное землевладѣніе“ и „Взгляды крестьянъ Кадниковскаго уѣзда на земельную соб-

ственность“), напечатанныхъ въ разное время въ „Живой Стариинъ“, я уже говорилъ о земельной собственности, а потому не буду здѣсь повторять того, что было сказано тамъ. Въ настоящей статьѣ я коснусь землевладѣнія лишь постольку, поскольку это относится къ праву каждаго изъ членовъ семьи.

Пока семья живетъ вмѣстѣ, то вся земля, находящаяся въ ихъ владѣніи, считается общесемейною и распоряжается ею, какъ уже сказано, „большакъ“ или „большуха“, но при этомъ ни продать, ни заложить ее безъ согласія всѣхъ остальныхъ взрослыхъ членовъ семьи большакъ не имѣетъ права.

Если же въ семьѣ пойдутъ „нелады“, т. е. ссоры и произойдетъ раздѣлъ, то между братьями земля дѣлится поровну, если равно число душъ обѣихъ семей. Но обыкновенно бываетъ такъ, что отецъ-старикъ или мать, а также незамужнія сестры остаются жить въ старомъ домѣ, „на старомъ пепелищѣ“, какъ говорится; въ этомъ случаѣ земля дѣлится не пополамъ: выдѣляющемуся на новое хозяйство земли дается меньше, нежели остающемуся при родителяхъ и сестрахъ. Послѣднему надѣляются еще пап на прокормъ родителей и на выдачу сестеръ замужъ. Большею частью отдѣляютъ старшаго сына въ семьѣ, уже семейнаго, а младшій, холостой или недавно женатый, остается при родителяхъ. Это дѣлается ради того, что старшій, какъ болѣе опытный, скорѣе справится съ хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ, нежели младшій, нуждающійся еще въ указаніяхъ со стороны родителей.

Границы своихъ полосъ отдѣляютъ вбитыми въ землю колышками, на которыхъ владется свое родовое пятно. Такое же пятно раздѣляетъ и лѣсные участки, но въ этомъ случаѣ пятна владутся на растущихъ деревьяхъ, а не на колыскахъ, и съ тѣхъ поръ деревья эти становятся неприкосновенными, заповѣдными отъ порубокъ. Это же пятно дѣлается и на животныхъ, напр., у овецъ вырѣзаютъ на ухѣ. Выдѣлившаяся новая семья, не желая терять своего родового знака или „пятна“ и въ то же время, чтобы отличить свои „угодыя“ отъ угодій старой семьи, дѣлаетъ нѣчто и свое на этомъ пятнѣ. Такъ, напр., если родовой знакъ косая зарубка, то дѣлаютъ двѣ косыя же зарубки, а не прямыя, каковыя могутъ быть въ другомъ родѣ.

Весь хозяйственный инвентарь, какъ-то: сохи, бороны, телѣги, такъ и скоть, а равно и всѣ постройки составляютъ общую семейную собственность и при раздѣлѣ распредѣляются по той же нормировкѣ, какъ и земля.

Что касается одежды, то каждый членъ семьи считаетъ своею собственностью лишь ту, которую для него сшили и которую онъ носить. Но бываютъ и такія одежды, какъ, напр., овчинный тулупъ для выѣзда, который имѣется одинъ на всю семью, а потому онъ и считается семейной собственностью; при дѣлежѣ онъ поступаетъ старшему въ родѣ: если живъ отецъ, то беретъ себѣ, а нѣтъ отца, то старшій братъ. Вообще изъ движимаго имущества считаются семейною собственностью всѣ тѣ предметы, которые находятся или въ единственномъ числѣ, или которыми всѣ члены семьи пользовались на одинаковыхъ правахъ, какъ, напр., самоваръ, пила, умывальникъ и т. п.

Деньги, кѣмъ бы они ни были заработаны, считаются общесемейною собственностью и поступаютъ въ распоряженіе большака или большухи, за немногими исключеніями, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Продукты сельскаго хозяйства, конечно, всѣ безъ исключенія составляютъ семейную собственность, но если семья богатая, то иногда хозяйкѣ за ея труды предоставляется право продать въ свою пользу лишняго теленка, лишнюю кадупку кислаго молока.

Орудія рыболовства и охоты тоже составляютъ семейную собственность; но объ этомъ надо сказать нѣсколько подробнѣе, такъ какъ право на рыбную ловлю и охоту совершенно противоположно юридическому праву.

Обычно, право на ловлю звѣрей, птицъ, рыбы, на собираніе грибовъ, ягодъ и т. п. здѣсь не принадлежитъ владѣльцу земли или воды, за исключеніемъ при-озерныхъ мѣстностей уѣзда, какъ, напр., селъ: Устья-Кубены и Чиркова, гдѣ рыболовство составляетъ главный промыселъ населенія, гдѣ поэтому водное пространство раздѣлено почти на такіе же участки, какъ и суша. Но въ другихъ мѣстностяхъ уѣзда каждый желающій имѣетъ право ловить рыбу или охотиться тамъ, гдѣ ему вздумается, и владѣлецъ земли не въ правѣ воспретить. Я могу на вашей землѣ охотиться не только съ ружьемъ, но даже ставить ловушки: силышки (петли для птицъ), нитки (петли для зайцевъ), кряжи, клепцы (капканы), плахи и т. п. Эта „тропа“ будетъ моя собственность, а вы, хотя и владѣлецъ земли, не только не можете мнѣ воспретить это, но даже сами, согласно обычаю, не можете ставить свои ловушки по близости моей „тропы“, если это мѣсто было занято мною раньше васъ.

Точно также поступаютъ и при рыбной ловлѣ: каждый мо-

жетъ ставить сѣти, крюки, ловить бреднемъ ¹⁾ или удой, гдѣ ему хочется, не спрашивая владѣльца. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, ни птицу, ни звѣря, ни рыбу изъ чужихъ ловушекъ вынимать нельзя, это строго воспрещается и за нарушение судятъ какъ за кражу, хотя бы виноватымъ былъ самъ владѣлецъ земли или воды, гдѣ ловушки были поставлены.

Для рыбной ловли устраиваются еще такъ называемые „ѣзы“. Это нѣчто вродѣ плотины черезъ всю рѣку или рѣчку. Устройство ихъ такое: вбиваются въ линію поперекъ рѣки колышки, по нѣскольку штукъ въ рядъ; между ними владутся прутье, жерди, разный хворостъ, заваливается все это землею и камнями настолько крѣпко, чтобы и во время ледохода не могло унести водою. Въ одномъ мѣстѣ такого еза дѣлается свободный проходъ водѣ („ворота“), куда и вставляется „морда“ (верши). Рыба, не находя выхода кромѣ воротъ, идетъ туда и попадаетъ въ морду (конусообразный мѣшокъ, дѣлаемый изъ ивовыхъ прутьевъ).

Устройство такихъ ѣзовъ требуетъ много труда, въ которомъ принимаетъ участіе вся семья, почему ѣзь и считается родовой семейной собственностью. При раздѣлѣ братьевъ межъ собою, ѣзь остается общою собственностью, пользуются же имъ потомъ поочередно: одну недѣлю ловить рыбу одинъ братъ, другую—другой и т. д.

Водяная мельница принадлежитъ семьѣ или даже нѣсколькимъ семьямъ, устроившимъ ее, и составляетъ семейную ихъ собственность. Если при устройствѣ мельницы или плотины къ ней помогали въ работѣ сосѣди, то всѣ такіе помощники пользуются правомъ бесплатнаго помола всего своего ежегоднаго урожая хлѣбовъ и на все время существованія мельницы. Такимъ же правомъ пользуются и владѣльцы земли, на которой устроена мельница или которую, вслѣдствіе поднятія воды плотиною, заливаютъ водою. Содержатели, т. е. хозяева мельницы работаютъ поочередно, и всѣ вырученныя за помолъ деньги поступаютъ на общесемейныя нужды. При раздѣлѣ семей, устроившихъ мельницу, только мельчаетъ очередь во времени пользованія ею, но сущность дѣла не измѣняется. Такъ напр., если устроили ее 3 семьи и очередь пользованія была установлена по-недѣльно, то, при образованіи вмѣсто трехъ шести семей, очередь пользованія установятъ 3 или 4 дня. При даль-

---

¹⁾ Бредень отъ слова: „брести“,—нѣчто въ родѣ конусообразнаго большого мѣшка, который рыболовами волочется за собою.

иѣйшей и большей дробности семей, нанимають одного кого-либо на цѣлый годъ въ мельники и доходъ дѣлятъ деньгами, или же сдаютъ ее въ аренду одному изъ участниковъ или даже совершенно постороннему лицу, если тотъ предложитъ выгодныя условія.

Вѣтряныя мельницы тоже составляютъ семейную собственность, по никакимъ ограниченіямъ во владѣніи не подлежатъ, такъ какъ устраиваются, обыкновенно, на своей землѣ и самою семьею безъ посторонней помощи.

Свободная „заимка“ земли, неизвѣстно кому принадлежащей, широко практикуется здѣсь, особенно земель сѣнокосныхъ. Занимають иногда даже и тѣ земли, владѣлецъ которыхъ по фамилии извѣстенъ, но неизвѣстно, гдѣ живетъ и никакихъ правъ на землю не предъявляетъ. Такая земля составляетъ тоже родовую семейную собственность и подлежитъ раздѣлу наравнѣ съ надѣльною. Но въ послѣднее время владѣльцы такихъ „захватныхъ“ земель, чувствуя подъ собою, такъ сказать, „шаткую почву“, стараются поскорѣе утвердиться въ правахъ черезъ Окружный судъ на основаніи десятилѣтней давности владѣнія, благо этотъ обычай оказался сходенъ съ юридическимъ правомъ „давности“.

Замѣчательно, что обычай „свободной заимки“ необработанныхъ земель распространенъ чуть ли не по всему свѣту¹⁾.

Если „большакъ“ или кто бы то ни было изъ членовъ семьи купилъ участокъ земли и купчую совершилъ на свое имя, но извѣстно, что онъ купилъ ее на семейныя деньги, то всѣ члены семьи мужского пола считаются соучастниками въ этой землѣ и при раздѣлѣ получаютъ равныя пай съ тѣми, на кого совершена купчая. Такимъ же правомъ на землю въ этомъ случаѣ пользуется и дядя, если въ моментъ совершенія купчей онъ не былъ выдѣленъ изъ семьи.

Если одинъ изъ братьевъ женился на богатой и получилъ приданого за женой нѣсколько сотъ руб. (приблизительно, говорю для примѣра) и на эти деньги купилъ участокъ земли, то таковая земля тоже поступаетъ въ пользованіе всей семьи, но лишь до раздѣла; при раздѣлѣ же она поступаетъ въ его личную пользу, какъ купленная не на семейныя деньги, а на жениныя.

Полученная въ приданое за женою земля точно также не подлежитъ семейному раздѣлу, какъ — „женино имѣніе“, и это

¹⁾ Н. Харузинъ. Этнографія, т. III, стр. 40.

обычаемъ допускается, но, понятно, всѣ эти факторы принимаются отчасти въ расчетъ при выдѣлѣ такого „богача“.

Если въ домѣ одинъ пѣтухъ, то при раздѣлѣ семьи онъ обязательно поступаетъ въ пользу выдѣлившихся, дабы веселѣе имъ жилось, не такъ бы пустынно казалось въ новомъ домѣ.

„Благословенныя“ иконы и вѣщальные свѣчки составляютъ личную собственность бракосочетавшихся и раздѣлу семейному не подлежатъ, какъ и обручальныя кольца.

Право па найденное въ лѣсу, кѣмъ бы то ни было, „стерво“ (ушибленное звѣрьемъ животное) принадлежитъ лицу, чье животное было убито, и хозяинъ его не только имѣетъ право содрать съ него кожу и унести домой, но если онъ охотникъ, то можетъ не допустить другого подкарауливать звѣря, въ большинствѣ случаевъ медвѣдя. Но передать это право другому не можетъ, какъ никому не можетъ запретить подкарауливать этого же медвѣдя въ отдаленіи отъ стерва, гдѣ-нибудь на перепутьѣ. Шкура убитаго медвѣдя (мясо здѣсь не ѣдятъ) продается, и деньги идутъ на общесемейные расходы. Исключеніемъ изъ этого права служатъ лишь семьи богачей, гдѣ всякая добыча охотника составляетъ его личную собственность, которую онъ и тратитъ по своему усмотрѣнію.

Точно также поступаютъ и съ находкою „берлоги“ (логовище медвѣдя), которая нашедшимъ тщательно и тайнѣ охраняется до наступленія глубокихъ снѣговъ, тогда онъ или самъ бьетъ медвѣдя, или продаетъ берлогу пріѣзжающимъ изъ городовъ охотникамъ. Въ послѣднее время нахождение медвѣдей въ берлогѣ стало очень выгоднымъ предпріятіемъ, и крестьяне имъ охотно занимаются. Пріѣзжіе охотники платятъ за каждую берлогу съ медвѣдемъ отъ 40 до 70 руб. нашедшему, котораго вся обязанность при этомъ состоитъ лишь въ томъ, чтобъ указать охотникамъ „безъ обману“ мѣсто берлоги, а убьютъ или нѣтъ они медвѣдя, это уже его не касается. Вырученные за берлогу деньги идутъ на удовлетвореніе семейныхъ нуждъ, если нашедшій не принадлежитъ, какъ сказано ранѣе, къ числу богачей.

Если есть въ семьѣ охотникъ или „лѣсникъ“, по мѣстному, то онъ можетъ осенью „промышлять“, охотясь на бѣлокъ, рябчиковъ, тетеревей, куницъ, а зимою ловить въ клепцы зайцевъ, лисицъ и т. п.; другіе члены семьи охотно отпускаютъ его и исполняютъ за него работы по дому, но за то всѣ деньги, вырученные отъ этого промысла, составляютъ уже собственность семьи и передаются въ распоряженіе большака или большухи. Но тотъ же охотникъ, если онъ занимается этимъ промысломъ лишь въ

воскресные и праздничные дни, или же въ дни, свободные отъ работъ по хозяйству, то весь охотничій заработокъ имѣеть право взять себѣ, какъ свою личную собственность, нажитую безъ ущерба хозяйству, и распоряжается деньгами по своему усмотрѣнiю. Но въ этомъ случаѣ порохъ, дробь и пистоны онъ долженъ покупать уже на свои личные деньги, не прося у большака, кромѣ какъ взаймы.

Ружье, если оно куплено большакомъ, составляетъ семейную собственность, а если лично охотникомъ и на свои деньги, то—его личная собственность, которая раздѣлу не подлежитъ.

Вновь распаханная большакомъ полянка или вырубленная подсѣвка („новина“, по мѣстному) составляетъ общую семейную собственность. Но если такая новина вырублена женатымъ сыномъ и засѣяна его женою сѣменами льна, купленными не на семейныя деньги, а на „молодухины“, принесенныя ею изъ родного дому, то и весь урожай льна поступаетъ въ ея съ мужемъ личную собственность. За неимѣнiемъ новины молодуха засѣваетъ льномъ полосу земли въ полѣ, или полянку для своей и мужа потребности, и это тоже считается ихъ личной собственностью.

При раздѣлѣ семьи на двѣ семьи случается, что во владѣнiи ихъ найдется такой мелкiй сѣнокосный участокъ земли, что дробить его дальше невозможно, а потому устанавливается право владѣнiя по очереди.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ уѣзда, наиболѣе глухихъ, существуетъ интересное право—это право на арендованiе чужой земли. Такъ, напр., если данная семья много лѣтъ уже арендуетъ извѣстный участокъ сѣнокосной или пахотной земли у казны или частнаго лица, то никто другой, кромѣ членовъ той семьи, не долженъ арендовать того участка. Отбивать отъ другого землю, когда она нужна ему самому, считается безсовѣстнымъ и грѣшнымъ дѣломъ. Правда, надо сказать, что въ послѣднее время, этотъ благой обычай сталъ все чаще и чаще нарушаться, почему и цѣна аренды стала повышаться, что для землевладѣльцевъ очень желательно, и они всѣми силами развиваютъ конкуренцію среди арендаторовъ.

Существуетъ въ нашемъ уѣздѣ до сихъ поръ очень курьезное торговое право на скидку въ вѣсѣ 20-ти фун. съ каждой бочки дегтя или смолы. Сколько бы бочекъ крестьянинъ ни накурилъ въ зиму этихъ продуктовъ, весной при приѣмкѣ скидывается съ него съ каждой бочки по 20 фун. на утечку продукта въ дорогѣ, куда вкупившiй повезетъ его. Такая скидка но-

сильное название „мертваго“ и освящена обычаемъ съ незапамятныхъ временъ, противъ чего никто не спорить. Ничего подобнаго я нигдѣ не встрѣчалъ, кромѣ нашего, Кадниковскаго и Каргопольскаго, Олонецкой губ., уѣздовъ.

Рябина или черемуха, пока онѣ растутъ въ лѣсу—общее достояніе, по, пересаженный къ дому, онѣ уже составляютъ собственность пересадившаго, и никто не имѣетъ права срывать ягоды безъ разрѣшенія хозяина, кромѣ его односемейниковъ. Впрочемъ, малымъ дѣтямъ, чьи бы они ни были, позволяется нарушать этотъ обычай или право.

Случайно нашедшій звѣря или птицу, убитыхъ не имѣетъ право на равную долю съ убившимъ, и эта доля составляетъ у насъ личную собственность нашедшаго („его счастье“), а не отдается семьѣ (по повѣрью: „счастье нельзя передавать другому“).

Такое же точно право на находку существуетъ, по словамъ А. Я. Ефименко, и у самоѣдовъ, Арх. губ.¹⁾ Это, впрочемъ относится и ко всѣмъ вообще находкамъ, изъ чего бы онѣ ни состояли. Исключеніемъ изъ этого правила можетъ служить лишь находка денегъ, потерянныхъ человѣкомъ бѣднымъ. Въ этомъ случаѣ деньги всѣ сполна возвращаются потерявшему. Но это дѣлается, пожалуй, скорѣе изъ жалости къ потерпѣвшему, а не по праву.

Находки полиціи не предъявляются, а узнаютъ по вещамъ и другимъ признакамъ хозяина потерянныхъ вещей, и онѣ возвращаются ему. Правда, о нахожденіи заблудившейся лошади или другого животнаго сообщается полиціи для наибольшаго распространенія этого извѣстія, такъ какъ лошадь, напр., можетъ зайти изъ очень далекой мѣстности, и по признакамъ не узнать, чья она. Въ этомъ случаѣ поить и кормятъ животное у себя до тѣхъ поръ, пока не найдется хозяинъ, съ котораго в послѣдствіи и получаютъ деньги за прокормъ и уходъ за животнымъ. Деньги эти составляютъ семейную собственность, но, собственно говоря, за находку ничего не берется, развѣ только хозяинъ животнаго поблагодаритъ полштофомъ водки.

Зять-пріемышъ вырученныя отъ хозяйства деньги обязанъ отдавать тестю, какъ „богоданному“ отцу, или же тещѣ, но поденщина, заработанная въ свободное время, или плоды охоты—его личная собственность.

¹⁾ „Юридич. обычай лопарей, кореловъ и самоѣдовъ Арх. губ.“ Зап. И Р. Г. О., т. VIII.

Если одинъ изъ членовъ семьи уходитъ на промыселъ, напр., въ „нутку“ (сплавъ лѣсу по рѣкамъ и рѣчкамъ), то весь его заработокъ долженъ идти на семью, за исключеніемъ мелочныхъ расходовъ на самое необходимое: на покупку сапоговъ, картуза, мыла, табаку и проч. Въ этомъ отношеніи семья усчитываетъ такого члена весьма строго, считая и то благодѣяніемъ для него, что отпустила въ трудное время (весна и лѣто) на легкой, сравнительно, трудѣ, какимъ считается „бурлачество“. Горе тогда издержавшему, по мнѣнію семьи, лишній рубль! Его во весь годъ будутъ „пилить“ упреками, а на слѣдующій, пожалуй, и не отпустятъ.

Пойманныя во время разлива рѣки бревна, неизвѣстно кому принадлежація, разъ они не заклеены,—составляютъ собственность поймавшаго, который можетъ продать ихъ и деньги взять себѣ, можетъ издержать и на постройку, обративъ, такимъ образомъ, въ семейную собственность.

Если рѣка измѣнитъ свое русло, то границею земли считается прежнее русло, какъ оно было занесено на планѣ, но если въ документѣ сказано, что рѣка является живою межою, что владѣть по рѣкѣ, то хотя бы рѣка нѣсколько разъ измѣняла свое русло, она все таки считается живою межою. Образовавшійся у котораго нибудь берега рѣки или озера островокъ („кочь“) считается принадлежащимъ той семьѣ, которая имѣетъ противъ него свою береговую полосу земли.

Здѣсь мнѣ припоминается очень интересное въ бытовомъ отношеніи дѣло, волочившееся по разнымъ инстанціямъ около 10-ти лѣтъ, если не болѣе. Если память мнѣ не измѣняетъ, дѣло заключалось въ томъ, что устье р. Кубены принадлежало прежде помѣщику М., который землю эту распредѣлил такъ: лѣвый берегъ рѣки съ пожнею отвелъ въ надѣлъ крестьянамъ с. Чиркова, а на правомъ берегу пожню съ рѣкою и рыбными ловлями продалъ богатому крестьянину с. Устья Н., который свое право передалъ своимъ односельчанамъ. Рыбу ловили каждое село у своего берега. Такъ дѣло шло до спора. Но вотъ рѣка рѣзко измѣнила свое теченіе—уклонилась вправо и у чирковцевъ вмѣсто рѣки оказалась песчаная отмель. Устьяне заврещаютъ имъ ловить рыбу въ этомъ мѣстѣ, чирковцы подали жалобу въ волостной судъ, который и рѣшилъ дѣло въ ихъ пользу. Устьяне тогда нанимаютъ адвоката, дѣло переноситъ въ сѣздъ, которымъ отмѣняется рѣшеніе волостного суда. Чирковцы подають дальше и въ тоже время продолжаютъ пользоваться рѣкою, устьяне не даютъ. Страсти разгораются... принялись за

колья... возникают новыя дѣла, садятся нѣсколько человѣкъ въ тюрьму и— „пошла писать губернія“, какъ говорится.

Дѣло это таскается по судамъ долго и рѣшается разно: то въ пользу чирковцевъ, то—устьянъ, съ присужденіемъ имъ убытковъ въ нѣсколько тысячъ рублей и доходитъ, наконецъ, до Сената, на чемъ рѣшилъ Сенатъ и рѣшилъ ли—не знаю. Только помню, что сама рѣка благоразумнѣе всѣхъ судовъ рѣшила это дѣло: она въ этомъ спорномъ мѣстѣ такъ обмелѣла, что рыба не стала жить, и ловить стало нечего, а потому и спорить стало не о чемъ, и теперь оба села живутъ мирно.

Гумно, баня, истопка (лѣсная избушка) часто принадлежать нѣсколькимъ семьямъ, но обязательно одного роду („одноя породы“), и называются по родоначальнику. Такъ, напр., говорятъ: „эта истопка микятя“, отъ имени „Микнта“; это гумно „митяковицей“, отъ сл. „Митякъ“—Дмитрій; эта баня „Ванишевыхъ“, отъ сл. „Ваня“—Ивапъ.

Послѣ смерти отца бѣльшина въ домѣ переходитъ къ матери, если дѣти малолѣткн, или къ старшему сыну, если ему исполнилось 17—18 лѣтъ, которымъ вмѣстѣ съ матерью и ведется хозяйство.

Колодець всегда принадлежитъ нѣсколькимъ семьямъ, обыкновенно родственнымъ между собою; но брать воду не возбраняется и другимъ, не участвовавшимъ въ его устройствѣ; за это берущій воду долженъ всегда принимать участіе въ чисткѣ колодца, въ расходахъ на покупку новой веревки, новой бадьи и т. п.

Право на часть пилы. При распилкѣ бревенъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ уѣзда „нижннкъ“, т. е. тотъ рабочій, который пилитъ снизу, пилу покупаетъ на свой счетъ, а „верхникъ“, хотя въ этой покупкѣ и не участвуетъ, но имѣетъ такое же право на нее, какъ и „нижннкъ“. Это преимущество дается ему за то, что онъ, обыкновенно, какъ болѣе искусный, точитъ и направляетъ пилу, для чего покупаетъ на свой счетъ подпилки. Когда продается пила, то деньги дѣлятся пополамъ.

Если кто первый увидалъ „кулигу“¹⁾ ягодъ или грибовъ и сказалъ: „чуръ, моя!“, то такая кулига его собственность; товарищи должны искать себѣ другую кулигу, а тутъ не собирать. Но если нашедшій не „очураль“, а другой,

¹⁾ Кулига—группа, масса чего-либо выросшаго на землѣ.

увидавши издали, сказали „чуръ, вмѣстѣ“, то кулига эта будетъ общая.

Точно также поступаютъ и съ другими находками: очураль—твоя, не успѣлъ первый очурать—дѣлись пополамъ.

Приемышъ можетъ наслѣдовать все имущество послѣ смерти „богоданнаго“ отца лишь въ томъ случаѣ, если не осталось у него сыновей и не оставилъ онъ духовнаго завѣщанія. При живности сыновей онъ получаетъ лишь то изъ имущества, что было общано ему по приемъ его въ домъ, и то, что далъ покойный дочери своей, его женѣ.

Дочь, выданная замужъ въ чужой домъ, послѣ смерти отца не участвуетъ въ наслѣдованіи имуществомъ („отрѣзанный ломоть“), какъ уже получившая свою долю при жизни отца въ видѣ приданнаго.

Незамужняя дочь хотя тоже не утверждается въ правахъ наслѣдства, но молчаливо признается соучастницей въ наслѣдствѣ; на обязанности братьевъ лежитъ—поить и кормить ее, и выдать замужъ, снабдивъ приданнымъ, смотря по средствамъ.

Если послѣ смерти отца остались однѣ дочери и въ домѣ нѣтъ мужчины, то мать ихъ считается полной хозяйкою и распорядительницею всего имущества, а когда беретъ себѣ въ домъ къ которой-либо изъ дочерей приемыша, то передаетъ ему все веденіе хозяйства. Зять обязанъ выдать замужъ незамужнихъ сволченицъ, поить и кормить до смерти свою тещу. Впрочемъ, теща сама обыкновенно не выпускаетъ бразды правленія по хозяйству до самой смерти, и нерѣдко съ зятемъ грызется изъ-за всякаго куска хлѣба, изъ-за всякой копейки денегъ. Однако, при возникновеніи конфликта на этой почвѣ, сельское общество признаетъ нѣкоторыя права на имущество покойнаго за приемышемъ и урезониваетъ тещу „не дурить“.

Дѣвушка, не имѣя собственности въ общемъ семейномъ имуществѣ, является полной владѣлицею той движимости, которая ей лично принадлежала, которую она сама нажила или подарили ей родители или родственники. Выходя замужъ въ чужую семью, она беретъ не только приданое изъ семейнаго имущества (чаще всего корову или пару овецъ), но и весь свой скарбъ, свою „коробью“.

Въ новой семьѣ, въ семьѣ мужа, она тоже должна копить и наживать имущество; такъ какъ и въ родной своей семьѣ она не имѣла права на семейное имущество, то въ новой, чужой, ей тѣмъ болѣе нечего рассчитывать на него, по крайней

мѣръ въ первое время по замужествѣ. Въ первый годъ здѣсь отводить ей лишь полосу земли для посѣва льна и больше ничего; какъ сѣмена, такъ и орудія обработки льна, напр., мялку, трепало, пряслицу, прялку и проч. она должна принести изъ родного дома.

Послѣ смерти мужа, если онъ не оставилъ дѣтей, жена не наследуетъ семейнаго имущества, а должна жить въ той семьѣ въ качествѣ работницы и ее не имѣютъ права выгнать до самой смерти. Если же она выйдетъ замужъ, то беретъ съ собою лишь то имущество, которое было взято изъ родного дому, а также и подаренное мужемъ. Если при этомъ въ числѣ приданнаго была корова или овцы, то она можетъ взять и ихъ, но приплодъ отъ этихъ животныхъ остается въ домѣ мужа умершаго, какъ выкормленный здѣсь.

Если послѣ смерти мужа остались дѣти, то они наследуютъ послѣ отца всю ту часть движимаго и недвижимаго имущества, которое причиталось бы ихъ отцу при жизни изъ общаго, семейнаго; и вдова тогда является полною хозяйкою этой доли, какъ естественная опекунша своихъ дѣтей. Она можетъ даже отдѣлиться отъ той семьи, куда вышла, и завести съ дѣтьми свое хозяйство.

Но если дѣвица вышла замужъ за вдовца, у котораго имѣлись дѣти отъ первой жены, а затѣмъ, поживя съ мужемъ, она своихъ дѣтей народила, и мужъ умираетъ, тогда вдова можетъ получить полную часть причитающейся покойному мужу доли семейнаго имущества лишь въ томъ случаѣ, когда она возьметъ на свое попеченіе дѣтей и отъ первой жены. Если она такого обязательства на себя не беретъ, а отдѣляется въ новую семью лишь со своими дѣтьми, то изъ мужниной доли вычитывается пай на дѣтей первой жены, которыя и остаются въ домѣ свекра или братьевъ мужа.

Если кто-либо женится на вдовѣ съ дѣтьми отъ перваго мужа и жена помретъ, то онъ обязанъ воспитать этихъ дѣтей, какъ бы своихъ родныхъ, если изъ того дома, откуда была взята жена, не послѣдуетъ требованіе возвратитъ дѣтей. Но наследуютъ свою долю имущества такіа дѣти изъ дома родного отца, чью фамилію они и носятъ, если вотчимъ не усыновилъ ихъ.

Послѣ смерти жены, если она не оставила дѣтей, особенно дочерей, все ея дѣвичье имущество возвращается въ тотъ родъ, откуда была она взята, какъ нажитое еще тамъ, и мужъ не въ правѣ не отдать. Онъ можетъ задержать у себя только

свои подарки, которые онъ дѣлалъ женѣ при ея жизни. Однако, справедливость требуетъ сказать, что постель, одѣяло и подушки рѣдко возвращаются мужемъ-вдовцомъ обратно родственникамъ покойной жены, а большею частью удерживаются у себя.

Если послѣ смерти жены остались дѣти, то ничего изъ ея имущества не возвращается: оно должно поступить дѣтямъ.

При выходѣ замужъ за младшаго въ семьѣ сына, „молодуха“ никакимъ семейнымъ имуществомъ не пользуется въ первое время, а живетъ въ семьѣ, какъ работница и при томъ „даровая“. Не то получается, когда она выйдетъ за „одиночку“, т. е. за единственнаго у отца сына, или же за старшаго сына, тогда она сразу же становится почти полною хозяйкой и распорядительницей семейнаго имущества по хозяйству, и свекровь ей передаетъ свою „большину“, говоря, что она уже „поработала—будетъ, пора и на печку“. Однако, стряпать на семью, вообще обязанность возиться около печки, быть „стряпухою“—свекровь оставляетъ за собой и неохотно разстается съ этимъ званіемъ.

Когда будущій зять малоземельный, а у тестя земли достаточно, то въ число приданаго за дочерью дается еще какая-нибудь полоса сѣнокосной земли. Но противъ этого почти всегда горячо возстаютъ братья невесты, упрекая отца, что онъ „растранжирить землю чужимъ. А намъ-то какъ жить?“ говорятъ они.

Если мужъ получилъ за женою, кромѣ ряжепаго приданаго, еще подарки отъ тестя, то послѣ смерти жены не возвращаетъ ихъ, говоря, что на свадьбу много израсходовалъ, а что жена умерла, то въ этомъ онъ не виноватъ: „въ животѣ и смерти Богъ воленъ“. Тѣмъ дѣло и кончается.

Дѣвичья личная собственность, которую, выходя замужъ, она беретъ съ собою, настолько строго сохраняется ею во всю жизнь, что, когда впоследствии мужъ обѣднѣетъ отъ какой-нибудь причины и пытается присвоить ея приданое, то жена ни за что не разстанется со своими вещами, находя, что „родительское благословеніе грѣшно продавать“. Какъ бы ни были жестоки побои мужа, но хорошая жена, по понятію народа, не должна продавать ничего изъ „коробы“, такъ какъ у самой будутъ, если пѣтъ еще, дѣвушки, которымъ все содержимое въ коробѣ пригодится.

Деньги жены, вырученныя за пряжу льна на сторону, за продажу лишняго холста или за поденщину въ свободное отъ

хозяйства время, составляютъ ея личную собственность. Но, надо сказать, что такого свободнаго отъ хозяйственныхъ хлопотъ времени у деревенской женщины очень мало бываетъ: день и ночь она сидитъ за работою...

Дѣвицы могутъ ходить въ поденщину во всякое время: мыть полъ, нагружать какое-нибудь судно, лѣтомъ сдирать бересту, грести сѣно и т. п., и вырученныя деньги остаются въ ихъ полномъ распоряженіи. На эти деньги дѣвицы покупаютъ себѣ платки, ситецъ и другіе наряды, приготовляя будущее приданое.

Во время весны дѣвицы с. Чиркова, чтѣ близъ Кубенскаго озера, занимаются перевозкою на лодкахъ пассажировъ на Анамьинскую лѣсную ярмарку и обратно, а также и черезъ Кубенское озеро, и этимъ промысломъ зарабатываютъ ежегодно довольно порядочную сумму. Всѣ деньги, такимъ путемъ добытыя, — ихъ личная собственность, въ которую родители не вмѣшиваются. На эти деньги дѣвицы покупаютъ себѣ всевозможныя наряды, приготовляя будущую „скругу“, т. е. приданое.

Если мать, при раздѣлѣ сыновей, осталась на старомъ мѣстѣ, жить со старшимъ сыномъ, а затѣмъ впоследствии не поладила съ нимъ или рассорилась съ его женою, своею невѣсткой и вздумала перейти на житѣе къ младшему сыну, то, не требуя изъ семейнаго имуществва той „прибавки“, которую старшій сынъ получилъ во время дѣлежа на прокормъ и содержаніе ея до смерти, — можетъ требовать съ сына „отсыпного“ хлѣба, и тотъ не имѣетъ права отказать, обязанъ ежегодно отсыпать, т. е. выдавать матери по нѣсколько мѣшковъ ржи или муки, хотя она и будетъ жить у другого сына „на всемъ готовомъ“.

Всѣ отбросы отъ хозяйства, какъ-то: зола изъ печекъ, кости, тряпки, шубныя лоскутки, обрывки катаниковъ и т. п. продаются хозяйкою дома, и деньги поступаютъ въ ея личную пользу.

Послѣ смерти все имущество ея поступаетъ въ собственность незамужней дочери, а если таковой нѣтъ, то замужнимъ дочерямъ; сынъ не наследуетъ, если она при жизни не отказала что-либо. Это относится къ движимому имуществу, но если у ней было недвижимое имѣніе, то такое все безъ исключенія поступаетъ въ пользу сыновей, дочери тутъ не наследуютъ.

Мужъ женѣ можетъ отказать въ личную ея собственность лишь то имущество свое, которое онъ пріобрѣлъ личнымъ тру-

домъ, но изъ семейнаго родового имущества онъ ничего въ личную собственность жены отчуждать не имѣеть права.

Послѣ смерти сына ни отецъ, ни мать не наслѣдуютъ имущества, если имѣются въ живности его братья, къ которымъ и переходитъ тогда это имущество.

Ловля горностаевъ въ плахи производится большею частью дѣтьми-подростками отъ 12 до 15 л., и всѣ деньги, которыя выручаются отъ продажи шкурокъ этого звѣрька, поступаютъ въ ихъ пользу и расходуются ими па покупку пряниковъ и на обновки, а въ послѣднее время и на книжки вродѣ „Натовъ Пинкертоновъ“.

Горохъ и рѣпа, посѣянные въ полѣ, хотя считаются семейной собственностью тѣхъ, кто посѣялъ, но пользоваться плодами, пока они не убраны съ полей, не возбраняется всѣмъ дѣтямъ деревни: „гдѣ имъ знать свои полосы?“, говорятъ взрослые. Если хозяинъ полосы и увидитъ когда чужихъ дѣтей на ней, то лишь замѣтитъ имъ, чтобы не ходили на „рѣпище“ или „гороховище“ полосами, а шли бы бороздой и не топтали хлѣба. Бываетъ, что и взрослый человѣкъ зайдетъ на чужое гороховище или рѣпище. Хотя изъ-за этого не ссорятся, но во всякомъ случаѣ такой поступокъ считается нехорошимъ, происходящимъ изъ жадности, такъ какъ взрослый человѣкъ не ребенокъ, знаетъ свои полосы, и у каждаго эти продукты растутъ свои.

Чужой же прохожій человѣкъ можетъ брать горохъ или рѣпу сколько угодно, это не ставится ему въ вину: „что дѣлать-то, видно захотѣлось рѣпки-то (или горошку), пусть на здоровье!“ только и скажутъ.

Дѣти очень бережно хранятъ, какъ свою собственность, всѣ подарки взрослыхъ, будь то „именинные“ деньги, т. е. тѣ деньги, которыя дарятся ребенку родственниками въ день его именинъ, или самыя ничтожныя на взглядъ взрослого игрушки.

Иногда простой деревянный шарикъ, сдѣланный отцомъ и подаренный сынишку, послѣднимъ такъ крѣпко хранится, какъ бы это былъ не шаръ, а крупный брилліантъ: такой шарикъ ребенкомъ кладется къ ночи обязательно подъ подушку, чтобы кто-нибудь не укралъ его.

Въ заключеніе настоящаго очерка скажу нѣсколько словъ объ обычаяхъ, очень странномъ, но распространенномъ по всему уѣзду, это о правѣ, ни больше ни меньше—воровать!

Дѣло въ томъ, что существуетъ такое народное повѣрье:

кто желаетъ развести у себя въ огородѣ хмель и чтобы онъ не погибалъ, а скоро отродился и былъ бы плодovitъ, тотъ не долженъ покупать черенки хмѣля, а обязательно долженъ украсть ихъ у кого-нибудь, и тогда хмель будетъ хорошо росги. Но украсть надо такъ, чтобы и хозяинъ хмельника не замѣтилъ пропажи, слѣдовательно, надо красть не за одинъ разъ да, пожалуй, и не у одного. Въ этомъ весь успѣхъ дѣла. И во-рують. Когда хмель отродится и дастъ уже порядочные ростки, тогда можно ставить колышки и даже сознаться въ кражѣ и заплатить деньги, если потребуютъ, все это уже не препятствуетъ росту хмеля.

И не бывало случая, чтобы кто-нибудь жаловался за такую кражу, такъ глубоко врѣзалась необходимость ея въ понятіе людей.

А. Шустиковъ.

